

Дэвид Фостер Уоллес

МОЁ ПОЯВЛЕНИЕ.

Я женщина, появившаяся перед зрителями на канале национальной радиовещательной компании NBC, в передаче "Поздно ночью с Дэвидом Леттерманом" 22 марта 1989 года.

По словам моего мужа Руди, я та, чьё лицо и поведение известны более половине полноценного населения Соединенных Штатов, чьё имя не сходит с губ, обложек журналов и экранов. И чьё сердце остаётся невидимым, и весьма надёжно спрятанным от всех окружающих. Именно это по мнению Руди и могло спасти меня на предстоящем выступлении.

Неделя, на которую выпало 22 марта 1989 года, оказалась как раз той, когда в развлекательно-разговорном шоу Дэвида Леттермана представлялась серия видеозаписей о частной жизни и развлечениях руководителей национальной радиовещательной компании NBC.

Мой муж, человек куда более известный в развлекательной индустрии, чем за её пределами, был серьёзно обеспокоен: он знал и опасался Леттермана; он утверждал, что Леттерман совершенно определённо женоненавистник и любит поиздеваться над гостями женского пола. В воскресенье муж пожелал, чтобы он, Рон и жена Рона Чамриан, подготовили меня к тому, чтобы справиться с нападками Леттермана и научиться управлять ситуацией. 22 Марта выпадало на среду.

В понедельник зрители сопровождали Дэвида Леттермана, отправившегося на глубоководную рыбалку с президентом новостного отдела NBC. Руководитель, с которым моему мужу приходилось прежде встречаться, и у которого из каждого красного уха рос хохолок волос, владел современной лодкой, удочкой с катушкой и, как оказалось, ловил рыбу в глубоком море без крючков. Они с Леттерманом прикрепили наживку к леске с помощью специальных резинок.

"Он ждёт покуда эта несчастная старая сволочь наконец надумает сказать "Блин, как же всё здорово!", — поморщился Руди, покуривая.

Во вторник Леттерман уже рассматривал огромную коллекцию магнитов на холодильник, принадлежащую руководителю отдела творческого развития NBC. Он сказал:

"Прекрасное развлечение, дамы и господа! Не так ли?".

У меня на языке оставалась горечь от успокоительного средства Ксанакс.

Мы попросили Рамона достать несколько видеокассет со старыми выпусками шоу "Поздно ночью", чтобы просмотреть их внимательно.

"Как ты себя чувствуешь?" - спросил меня муж.

Мы наблюдали за тем как Леттерман в замедленной съёмке сбрасывает с крыши двадцатого этажа над цементной площадкой несколько бутылок шампанского, несколько округлых фруктов, зеркальное окно и что-то ещё, на мгновение выглядевшее живым поросёнком.

"Тут очень важна шутовская наивность всех этих действий", - сказал Руди в тот момент, когда Леттерман сбросил визжащего поросёнка с того, что, очевидно, лишь имитировало на студии крышу. Мы увидели, как что-то упало уже вдалеке от этой крыши, ударилось о цемент и оказалось чучелом поросёнка. "Но это отнюдь не делает его милым и добрым". Мой муж видимо представил себя со стороны в темноте нашего кинозала и поправился: "Мне бы не хотелось, чтобы вы воспринимали всю эту чушь как реальность".

"Мне казалось, что вся эта чушь в значительной степени и воспринимается как нереальная", - сказала я.

Он указал мне на экран, где Пол Шаффер, музыкальный редактор и друг Дэвида Леттермана, выражает удивление с помощью рук и плеч.

Перед тем как Рамон установил видеокассеты мы оба приняли успокоительное. А я ещё выпила бокал белого вина Шабли. К моменту, когда на экране начали рассматривать и обсуждать магниты для холодильника, я уже успела окончательно устать. Мой муж тоже устал, но его всё более беспокоило, не создаст ли это моё участие в шоу дополнительных проблем. Ему всё это казалось достаточно серьёзным.

На прошлой неделе в пятницу позвонили из Нью-Йорка. Звонивший поздравил меня с тем, что для полицейской драмы, в которой я снимаюсь, объявили 5-ый сезон и спросил, не хочу ли я на следующей неделе стать гостем программы "Поздняя ночь с Дэвидом Леттерманом", упомянув, что мистер Леттерман был бы очень рад моему участию. Я предварительно согласилась.

У меня уже не осталось излишних иллюзий по поводу своей работы, но всё же я чертовски горжусь успехом нашего сериала. У меня там действительно интересный персонаж, я добросовестно участвую в съёмках, хорошо исполняю свою роль и просто обожаю всех других актёров и работников, связанных с сериалом.

Я позвонила своему агенту, директору подразделения и мужу. В итоге согласилась выступить в среду, 22 марта. Это был единственный промежуток времени, который у нас с Руди оставался свободным в жёстком еженедельном графике, не оставлявшем мне даже двух дней, чтобы провести их вместе: мои собственные записи серий по пятницам требовали обязательного прочтения, просмотра и полного облачения ещё накануне съёмки. Даже 22-го, как заметил мой муж за алкоголем, означало бы отъезд из Лос-Анджелеса очень рано утром в среду, поскольку до вторника включительно у меня шёл контракт на участие в рекламе сосисок. Мой агент полагал, что сможет перенести съёмки сосисок — люди от производителя мясной продукции "Оскар Майер" были очень любезны на протяжении всех съёмок, — но у моего мужа имелись жёсткие правила в отношении выполнения договорных обязательств, и, как его партнёр, я решила тоже следовать этими правилами.

Это означало, что во вторник придется сидеть допоздна, чтобы посмотреть Дэвида Леттермана, поросенка, магниты на холодильник и бесконечную череду эксцентрично талантливых домашних животных, а на следующее утро успеть на предзарасветный рейс: хотя запись "Поздней ночи" начиналась только в 5:30 вечера по часовому поясу восточного времени, Руди приложил немало усилий, чтобы заранее договориться с Роном о продолжительной встрече для подготовки.

Прежде чем я успела заснуть во вторник вечером, Дэвид Леттерман заставил комедийную актрису Тери Гарр надеть костюм на липучке и броситься к стене с такой же липучкой. В тот вечер в его книжном магазине NBC был представлен "Справочник покупателя для официальных лиц Нью-Йорка" за 1989 год; Леттерман держал книгу так, чтобы ее можно было рассмотреть, а Тери висела позади него, приклеенная к стене на высоте чуть меньше метра от земли.

"На её месте могла быть ты", - заметил муж, звоня на кухню, чтобы попросить стакан молока.

Видимо у шоу имелся фетиш расстановки всего на свете по спискам в десять пунктов. Мы увидели, что же конкретно исследовательская группа "Поздней ночи" сочла десятью худшими телевизионными рекламными роликами за всю историю. Мне запомнился номер не то пять, не то четыре: немецкий производитель автомобилей пытался связать покупку своей угловатой машины с сексуальным удовлетворением, показывая на фоне деревянных духовых инструментов и сосен, томную скандинавскую женщину, поддающуюся чарам рычага переключения коробки передач автомобиля.

"Как трогательно!", — сказал Леттерман, когда клип закончился. — Не так ли, дамы и господа?"

Он предложил фальшивую рекламу культурной программы, которую служба вещания PBS якобы в итоге решила не включать в трансляцию следующей осенью. Реклама представляла собой безвкусный клип, в котором четверо курдских повстанцев в тюрбанах и полном боевом облачении, прервали революцию дабы

исполнить квартет Генделя на лугу полном фиолетовых цветов. Зародыш культуры, процветающий даже на самой каменистой почве, становится первым шагом вперёд. Леттерман откашлялся и заявил, что служба PBS в итоге всё-таки подчинилась консервативному давлению Управления электросвязи Пакистана направленному против любого вида рекламы. Канадский комик Пол Шаффер под барабанную дробь спросил, что же пытались представить в рекламе. Леттерман смущенно ухмыльнулся, что нам обоим с Руди показалось привлекательным. Ответов было снова десять. Два из них, которые я помню, были "Беспричинные сикхи и фиалки" и "Беспричинные секты и скрипки". Все радостно засвистели. Даже Руди засмеялся, хотя знал, что PBS на самом деле никогда не заказывала такую программу. Я сонно рассмеялась, поёрзав по его руке, лежащей вдоль спинки дивана.

Время от времени Дэвид Леттерман приговаривал "Теперь немного повеселимся, мой мальчик". Все смеялись. Помнится, мне тогда совсем не показалось, что в Леттермане есть что-то особо опасное, хотя мысль о том, что придётся в итоге отдирать себя от стены, меня угнетала.

Меня совсем не волновал тот момент, когда наклонная тень самолёта устремилась к нам на взлётно-посадочной полосе, чтобы слиться воедино в точке приземления. К этому времени я уже ощущала себя окончательно расстроенной. Я даже слегка подпрыгнула и сказала "Ой", когда передняя часть самолета ушла в собственную тень при приземлении. Я слегка прослезилась, пусть и не сильно. Я женщина, дающая волю слезам, если её что-то расстраивает; и меня это не смущает. Я была измотана и напряжена. Муж коснулся моих волос. Он посчитал, что мне не надо принимать Ксанакс и я согласилась.

"Тебе надо будет быстро соображать", - объяснил он и взял мою руку в свою. Водитель телестудии NBC положил все наши сумки далеко позади нас в глубине машины. Я услышала жёсткий звук, закрывающегося багажника. "Тебе нужно будет одновременно и соображать на ходу, и иметь готовые ответы", — сказал мой муж. Он решил, что я слишком напряжена, чтобы сразу же согласиться; Руди знал человеческую природу.

Но теперь я уже была раздражена. Моя нервозность по поводу появления в шоу была отчасти объяснимой. "Каким образом я могу подготовиться?" сказала я. Мы с Чармиан уже заочно обсудили моё выступление. Она советовала вести себя уверенно, но просто. Я ей виделась в обычном синем костюме, безо всяких украшений и с распущенными волосами.

Беспокойство Руди было совсем иным. Он утверждал, что боится за меня.

"Я как-то не вижу ничего такого зловещего в Дэвиде Леттермане, чего видимо видишь ты", — сказал я ему. "У этого мужчины веснушки. Раньше он был местным метеорологом. Он остроумен. Но я тоже, Руди". Мне хотелось принять Ксанакс. "Мы же оба обо мне всё знаем. Я актриса, которой уже сорок, и у которой четверо детей, ты мой второй муж, ты успешно сменил карьеру, у меня было три драматических сериала, два последних оказались успешными, у меня есть номинация на высшую телевизионную награду Эмми. Вероятно, я никогда не сделаю карьеру в настоящем художественном кинематографе и не получу серьезного признания за свою работу в качестве актрисы". Я повернулась к заднему сиденью, чтобы посмотреть на него. "Так и что? Всё это известно. Это уже всё открыто для публики. Честно говоря, я не понимаю, что во мне или в нас может быть уязвимым местом".

Мой муж провел своей мускулистой рукой по спинке дальнего сиденья сзади. От лимузина пахло большими деньгами; салон был отделан красной кожей и казался нежно мягким. Он ощущался почти даже жидким. "Леттерман создаст тебе колоссальные проблемы из-за этой истории с сардельками". "Ну и пусть", — ответила я.

Когда мы проезжали район на окраине юго-востока Манхэттена, мой муж забеспокоился, что шофёр от NBC, молодой темноволосый латиноамериканец, может слышать наш разговор, несмотря на толстую стеклянную панель, отделяющую нас от переднего отсека водителя. Чтобы связаться с ним, нужно было активировать внутреннюю связь на панели. Муж ощупал стекло и решетку внутренней связи. Водитель всю дорогу (кроме тех моментов, когда он проверял движение машин в зеркалах) неподвижно держал голову. Для создания приятной атмосферы звучало радио; классическая музыка доносилась по каналу внутренней связи.

"Он не может нас слышать", — сказала я.

"... если бы тот момент, когда ты смотрела на всё с ужасом каким-то образом записали на видео и воспроизвели потом в эфире, а ?" - пробормотал мой муж, удовлетворившись моим ответом на вопрос о водителе. "Леттерман съел бы нас с костями. Мы бы выглядели полными идиотами".

"Почему ты настаиваешь на том, что он злой? Он совсем не выглядит злым"

Руди попытался успокоиться, в этот момент за окном появилась деловая часть Манхэттена . "Этот человек, Эдилин, публично спросил модель Кристи Бринкли, в каком штате проводятся конные скачки Дерби в Кентукки".

Я вспомнила о том, что Чармиан рассказывала мне по телефону и улыбнулась. "Так она сумела правильно ответить или нет?"

Мой муж тоже улыбнулся. Он сказал: "Она была слишком взволнована". Он коснулся моей щеки, а я его руки. После этого я стала меньше нервничать.

Он взял меня рукой за щеку и повернул лицом к себе. "Эдилин", - сказал он, - "тут дело даже не в какой-то там злобности. Вопрос в том, что он ставит людей в неловкое положение. Этот гад словно питается неловкими ситуациями как огромный паразит в стиле детского шоу Хауди-Дуди. И всё его шоу держится именно на этом. Оно раздувается и растёт на основе абсурда ситуации. Леттерман начинает выглядеть наевшимся, дурным, лоснящимся. Спроси Тери о липучке. Спроси Линдси о том сфальсифицированном клипе о ней и Папе Римском. Спроси Найджела, Чармиан или Рона. Ведь ты их слышала. Рон мог бы рассказать тебе много таких историй, от которых у тебя уши свернуться в трубочку".

У меня в сумочке лежал договор. Моя кожа была воспалена и раздражена из-за постоянного макияжа в течении двух дней эфира. "Вообще, он милый этот Леттерман", - сказала я , - "Когда мы смотрели эту хрень, мне показалось, что он любит выставлять в нелепом виде не только гостей, но и самого себя. Так что по крайней мере он не ханжа".

Мы оказались в небольшом заторе машин. Какой-то растрёпанный человек подбежал и попытался протереть рукавом лобовое стекло нашего лимузина. Руди постучал по стеклянной панели, пока водитель не включил переговорное устройство. Он сказал, что мы хотим, чтобы нас отвезли сразу к Рокфеллер-центру, где снимали "Позднюю ночь", вместо того, чтобы сперва поехать в отель. Водитель никак не отреагировал: не кивнул и не обернулся.

"Отчасти именно это и делает его столь опасным", — сказал мой муж, поднимая очки и массируя переносицу. "Всё это подпитывается нелепостью абсолютно любого человека. А то, что зрители решат будто он высмеивает и самого себя, в итоге освободит умного прохвоста от настоящих насмешек". Наш молодой водитель посигналил и бродяга исчез.

Нас повезли на запад, немного в сторону окраины города; оттуда я уже могла видеть здание, где записывал свои шоу Леттерман, и где Рон работал в офисе на шестидесятом этаже. Рон был профессионально связан с моим мужем ещё до того, как Руди принял решение перейти на Общественное Телевидение. Мы все так и остались друзьями.

"Именно от того насколько нелепо ты будешь выглядеть , зависит то, сумеешь ли ты выстоять или будешь повержена", - сказал Руди, склоняясь над контрактом, лежащим у меня на коленях, чтобы завязать узел галстука.

По мере того как мы приближались к цели, небоскрёб Рокфеллера становился виден всё меньше и меньше. Я попросила половинку успокоительного Ксанакс. Я из тех женщин, которые не любят, когда их сбивают с толку, меня это расстраивает. Мне в итоге хотелось быть и сообразительной, и спокойной одновременно.

"Выглядеть", - поправил меня муж , - "одновременно сообразительной и спокойной".

"Тебя вынудят выглядеть смешной и нелепой", — сказал Рон. Он и мой муж сидели рядом на диване в офисе, расположенном в здании настолько высоко, что в моих ушах возникало ощущение как при взлёте самолёта. Я смотрел на Рона, сидя в баснословно дорогом, натянутом на стальной каркас полотняном кресле. "Это часть тебе подконтрольна не будет", сказал Рон. — А вот то, как ты на всёотреагируешь будет".

"Будет что?"

"Будет под твоим контролем", — сказал Рон, поднося стакан к своему маленькому рту.

"Мне кажется, что если он действительно хочет выставить меня дурочкой, так пусть себе старается", — сказала я, — "так мне кажется"

Руди покрутил содержимое своего стакана. Его лёд зазвенел. "Это именно то поведение, которое я пытался ей внушить", — сказал он Рону. "Она думает, что он действительно такой каким она его видит".

Они оба улыбнулись, покачав головами.

"Ну, на самом деле он, конечно, не такой", — сказал мне Рон. Я только сейчас обратила внимание на то, что у Рона, пожалуй, самый маленький рот, который я когда-либо видела на человеческом лице, хотя мы с мужем знаем их с Чармиан много лет, и они оба были нашими близкими друзьями. Рот у него совершенно безгубый, а уголки острые; рот кажется не ртом, а какой-то раной на голове. "Ну потому, что в реальности люди такими не бывают", — сказал он. "В этом он видит свою необыкновенную пронизательность. Вот почему все его шоу предназначены только для того, чтобы высмеивать". Он улыбнулся. "Но наше преимущество в том, что мы это знаем, Эдилин. Если ты заранее знаешь, что тебя выставят на посмешище, то ты на шаг впереди игры, потому что тогда ты сумеешь сама выставить себя смешной, вместо того, чтобы дать это сделать ему"

Рон, я полгаю мне надо хотя бы понять. "Я действительно должна выставить саму себя на посмешище?"

Мой муж закурил сигарету. Он скрестил ноги и смотрел на белого кота Рона. "Здесь главный вопрос в том, позволим ли мы Леттерману высмеивать тебя по национальному телевидению, или ты опередишь его, присоединишься к общему веселью и сделаешь это сама". Он посмотрел на стоящего рядом Рона. "И это будет твой собственный выбор", — сказал Руди. "Именно так мы либо выстоим, либо падём". Он выдохнул. Диван освещался солнечным светом. Свет, на такой высоте здания, казался ярким и холодным. Его сигарета шипела, выпуская дым в освещенный воздух.

Рон всегда был известен своей склонностью к ёрзанию. Он то стоял, то садился, то снова вставал. "Это хороший совет, Рудольф. Есть определённые вещи, которые можно и которые нельзя делать. Не представляй всё так будто ты пытаешься быть остроумной и хитрой. Это работает в программе с Джонни Карсоном. С Леттерманом такое не пройдёт".

Я устало улыбнулась Руди. Длинная сигарета, казалось, почти истекла дымом, настолько ярким был солнечный свет на диване.

"Вот Карсон тебе бы подыграл", — кивнул Руди. "Карсон искренен".

"В наши дни совершенно пропала искренность", сказал Рон. "Теперь все подтрунивают над искренними людьми".

"Ну или над теми, кто кажется искренним, кто думает, что он искренен", — сказал бы Леттерман", — заметил мой муж.

"Верно подмечено", — сказал Рон, внимательно осматривая меня сверху донизу. Рот у него был маленький, голова большая и круглая, колено приподнято, локоть лежал на колене, ступня на подлокотнике другого

тонкого стального стула, кот лениво кружил восьмерку вокруг его ступни на полу. "Это смертный грех в "Поздней ночи". Это Адидасова пята каждого гостя, которого он тут крушит". Он выпил. "Просто знай об этом".

"Полагаю на этом всё: мне кажется, тут очень важно, чтобы нас воспринимали как осознающих происходящее", - сказал мой муж, выплюнув осколок льда на руку. Кот Рона подошел и понюхал кусочек льда. Тепло вытянутых вперед пальцев мужа превратило осколок в воду, я безучастно смотрела на мужа. Кот чихнул.

Я разгладила на себе синее платье, которое надела в зелёной, цвета замазки комнате Леттермана. "Хотелось бы всё-таки знать собирается ли он смеяться надо мной из-за рекламы колбасных изделий", - сказала я Рону. По крайней мере, это меня действительно беспокоило. Люди производителя мяса Оскара Майера вели себя очень достойно на протяжении всех переговоров и самих съёмок рекламы, и мне казалось мы сделали несколько хороших, правдивых и привлекательных рекламных роликов для продукта, не претендовавших на большее, чем что-то простое и забавное.

Я не хотела, чтобы из-за меня сосиски Оскара Майера выглядели посмешищем; я не хотела, чтобы всё представили так, будто я продала своё имя, лицо и талант мясной компании. "Я имею в виду, выйдет ли он за пределы обычных шуток? Войдёт ли он из-за этого в раж?"

"Нет, если ты сумеешь это сделать первой!" сказали Руди и Рон хором, глядя друг на друга. Они посмеялись. Это была наша старая шутка. Я посмеялась. Рон повернулся и приготовил себе еще немного алкоголя. Я отпила из своего стакана. Лёд из колы постоянно ударял мне по зубам. "Это способ разрядить всю обстановку", — сказал Рон.

Мой муж затушил сигарету. "Начни нападать на себя сама, прежде чем он успеет напасть на тебя". Он протянул свой стакан Рону.

"Убедись, что всё выглядит так, будто ты себя высмеиваешь, но сознательно и иронично". Большая бутылка булькала, пока Рон наполнял напитком стакан Руди.

Я спросила, нельзя ли принять хотя бы треть таблетки Ксанакса.

"Другими словами, выгляди так, как выглядит сам Леттерман, на своём шоу, — Рон сделал подытоживающий жест, и снова уселся. "Смейся как-то бесстрастно. Веди себя так, как если бы ты с рождения знала, что всё шаблонно, излишне раздуто, пусто и абсурдно, и что именно в этом и заключается всё удовольствие".

"Но я совсем не такая".

Кот зевнул.

"Я даже по-другому действую, когда действую", — сказал я.

"Да, " — сказал Рон, наклоняясь ко мне и плеснув совсем немного спиртного на кубики льда в моём стакане, наполненном ледяной колой.

"Конечно же, это не ты", — сказал мой муж, поднимая очки. Когда он был напряжен, он всегда потирал красные вмятины, оставленные на носу оправой. Это было привычкой. "Вот почему это серьёзно. Если ты покажешь маленькую милую задницу где-нибудь рядом со съемочной площадкой "Поздней ночи", из этого выйдет настоящая чертовщина". Он затушил еще одну сигарету, глядя на Рона.

"По крайней мере, она прекрасно выглядит, — сказал Рон, улыбаясь. Он ощупал свой острый маленький рот, и мне показалось, что на его лице вдруг появилось выражение нежности. Неужели в отношении меня? Мы всё же были не особо близки. По крайней мере совсем не так как я с женой Рона. Напиток имел копчёный привкус. Я закрыла глаза. Я была усталой, сбитой с толку и нервной; Кроме того, я была слегка рассержена. Я взглянула на часы, подаренные мне на день рождения.

Я из тех женщин, которые показывают свои чувства, а не держат их внутри себя; так куда полезней для здоровья. Я рассказала Рону, что когда Чармиан позвонила, она рассказала, что Дэвид Леттерман немного застенчивый, но в целом приятный человек. Я сказала, что у меня сейчас возникает ощущение, что, возможно, в крайней нервозности, которую я сейчас испытываю, виноват мой муж, а теперь, наверное, и Рон; и что мне очень бы хотелось либо успокаивающего Ксанакс, либо какого-нибудь конструктивного, поддерживающего совета, не требующего от меня искусственности, безразличия или настороженности до такой степени, что пропадёт всякое удовольствие от того, что предполагало быть просто забавным интервью.

Рон пока слушал очень терпеливо улыбался. Руди звонил администратору. Рон поручил Руди сказать, что мне не нужно спускаться вниз для макияжа до 5:30 вечера: сегодняшняя монолог был длинным и насыщенным, и моему выходу предшествовала сатира на времяпрепровождение другого руководителя NBC.

Мой муж начал обсуждать проблему доверия, поскольку она напрямую связана с осведомлённостью.

Оказалось, что часть стены офиса Рона может автоматически сдвигаться назад, открывая вид на несколько рядов мониторов, каждый из которых принимает сигналы NBC. После выступления местного метеоролога и трансляции новостной программы "Прямой эфир в пять" 22 марта началась видеосъемка вступительной части "Поздней ночи". Диктор, одетый в свитер с круглым воротом, огласил в старомодный, похожий на электробритву с ореолом света на верхушке, микрофон:

"Дамы и господа!" сказал он. "Человек, проверяющий сейчас свою ширинку, пока мы тут разговариваем: Дэвид ЛЕТТЕРМАН!"

Раздались бурные аплодисменты; Камера приблизила крупным планом вывески студии "АПЛОДИСМЕНТЫ". На всех мониторах появились слова "ПОЗДНО НОЧЬЮ АПЛОДИСМЕНТЫ — ЗНАК — КАМЕРА". Слова то вспыхивали, то гасли во время аплодисментов публики. Дэвид Леттерман появился из ниоткуда в ужасной яхтсменской куртке и борцовских кроссовках.

"Какая прекрасная публика!", — сказал он.

Я почувствовала аромат пепси и хорошего рома на своём льду. Мой палец оставил чёткую полосу в волосах. "Я действительно не вижу в этом никакой необходимости".

"Доверься нам, Эди."

"Рон, поговори с ним", — сказала я.

"Начнём тестирование", — сказал Рон.

Рон стоял за диваном, находящимся возле широкого окна, куда уже не доходил прямой солнечный свет. Окно выходило на юг; Я видела внизу, ошетилившиеся усиками крыши, слышала негромкие звуки далеких автомобильных гудков. Рон держал в руках что-то вроде передающего устройства, достаточно компактного, чтобы поместиться в его мягкой ладони. Мой муж склонил голову и поднял большой палец, пока Рон проверял сигнал. Небольшая затычка в ухе Руди когда-то была создана для того, чтобы спортивные комментаторы могли взять верное направление репортажа и получать самую свежую информацию, не прекращая говорить. Мой муж (когда он ещё работал для коммерческого телевидения) иногда находил это полезным в техническом руководстве комедиями, снимаемыми в живую. Он вынул затычку и протер её носовым платком.

Ожидалось, что эта затычка типа беруш будет телесного цвета, но она вдруг оказалась цвета протеза. Я сказала им, что категорически отказываюсь носить беруши свиного цвета и подчиняться указаниям мужа не быть искренней.

"Нет, — поправил муж, — быть неискренней".

"Есть разница", — сказал Рон, пытаясь понять инструкции к передатчику, которые по большей части были написаны на корейском языке.

Но мне хотелось быть одновременно сосредоточенной и спокойной, чтобы спуститься вниз и уже покончить с этим всем раз и навсегда. Я действительно хотела принять Ксанакс.

И тогда мы с мужем вступили в переговоры.

"Спасибо", — сказал канадский певец и композитор Пол Шаффер аудитории студии. "Большое спасибо." Я смеялась за кулисами, среди длинных неровных теней, создаваемых, направленными под разными углами, лампами. Шафферу аплодировали. Знак АПЛОДИСМЕНТЫ опять появился на камере.

Мне показалось, что издали волосы Леттермана выглядели как шлем. Они казались густыми и очень твёрдыми. Он продолжал совать учётные карточки в большую щель между передними зубами и разбираться со всякого рода химией. Он и его сотрудники быстро представили список из десяти лекарств (как безрецептурных, свободно лежащих на полках, так и отпускаемых строго по рецепту), которые по виду напоминали известные конфеты, что, по словам Леттермана, являлось хитростью. Для сравнения он показал снимки бок о бок. И действительно - обезболивающее Адвил выглядело так же, как коричневые конфетки M&M. Мотрин при хорошем освещении выглядел как кисло-сладкие жвачки SweetTarts. Марка антидепрессанта MAO под названием "Нардил" выглядела точно так же, как крошечные круглые конфеты с корицей Red Hot, которые все мы ели в детстве.

"Страшно или нет?" – спросил Леттерман Пола Шаффера.

А причудливое лекарство, снимающее тревожное состояние "Ксанакс" ,должно было напоминать крохотные копии тех ужасных мягких розово-оранжевых леденцов арахиса, которые все повсюду видят, но никто никогда не сознаётся, что пробовал.

Наконец-то я получила от мужа Ксанакс. Это была идея Рона. Я дотронулась до уха и попыталась засунуть затычку поглубже, подальше от взглядов всех присутствующих. Я уложила волосы над ухом, но уже начала в серьёз задумываться над тем, чтобы вынуть эту затычку.

Но мой муж хорошо знал человеческую природу. "Договор дороже денег" постоянно звучало в моём ухе.

Находившийся при мне напыщенный молодой помощник студии сказал, что я буду вторым гостем на выпуске "Поздней ночи с Дэвидом Леттерманом" от 22 марта. Первым должен был появиться глава спортивного одеда NBC, которого ради развлечения должны были увидеть сидящим в эпицентре взорвавшегося динамита. Вместе со мной также значился самопровозглашенный король продаж кухонных электронных устройств для дома.

Нам показали короткометражный ветеринарный фильм о расстройстве пищеварения у свиней.

"То есть ваша работа осталась практически незамеченной критиками", — видеозапись показывала, как Леттерман говорит это режиссеру фильма, ветеринару из Арканзаса, паниковавшему в течение всего интервью, потому что (как утверждал электрический голос в моём ухе) он не понимал стоит или нет серьёзно говорить с Леттерманом о деле своей жизни.

Оказалось, что администратор спортивных новостей NBC, изготовил в, созданной им в подвале дома мастерской, совершенно идеальные кольца взрывчатки, он вынес их на задний двор и поместился в самом центре последующего взрыва; это было его хобби. Дэвид Леттерман попросил руководителя NBC дать ему, пожалуйста, понять в точности: действительно ли человек, сидящий строго по центру взрыва динамита

находится в совершенной безопасности, словно заключённый в вакуум, будучи своего рода центром шторма - а что если хотя бы одна динамитная шашка на ринге окажется бракованной, взрыв теоретически может убить исполнителя?

"Убить, а?" , - Леттерман продолжал повторять смеясь и глядя на Пола Шаффера.

Большевики когда-то торжественно использовали этот круг, чтобы "казнить" русских дворян, которых они на самом деле хотели пощадить, сказал администратор; это был древний и проверенный временем иллюзионистский трюк. Я подумала, что администратор выглядит весьма изысканно, и заключила из этого, что разум не играет никакой роли в увлечениях мужчин.

В ожидании своего появления в шоу, я представляла администратора в идеальном центре на своём заднем дворе в Вестчестере, невидимого, но окруженного волнами от взрыва динамита, крутящимися вокруг него. Я представила себе что-то подобное смерчу, окрашенного в розовый цвет, поскольку динамит, сложенный на сцене, был розовым.

Но настоящий взрыв оказался серым. Всё разочаровало быстротой происходящего и глухим звучанием, хотя я засмеялась, когда Леттерман сделал вид, что они не сумели как следует заснять взрыв и администратору спортивных новостей NBC (выглядевшему так, будто ему только что дали звонкую пощёчину) придётся будет всё это делать заново. На мгновение администратор подумал, что Леттерман говорит серьёзно.

"Понимаешь, — сказал Рон, когда пришло время макияжа, — его ни в коем случае нельзя воспринимать серьёзно, Эдилин. Он миллионер, который носит борцовские кроссовки".

"Люди смотрят его шоу, — сказал мой муж, наклонившись, чтобы проверить насколько хорошо сидит холодная розовая пробка в моём ухе, —представляешь, целая нация смотрит его шоу, пихая друг друга под рёбра"

"Просто войди туда и сразу пихни, — ободряюще сказал Рон. Я посмотрела на его рот, голову и кошку. "Забудь все правила, которые ты когда-либо изучала по поводу появления на ток-шоу. Этот парень вывернул всё наизнанку. Он как раз больше всего и высмеивает эти самые правила телевизионного юмора ". Его глаза похолодели. "Он зарабатывает деньги, высмеивая именно те вещи, которые позволили ему зарабатывать деньги".

"Ну, в отрасли уже довольно давно царит своего рода отцеубийственное отношение к правилам", — сказал мой муж, пока мы ждали лифт. "Чёрт возьми, он этого точно не изобретал." Рон , сочувственно улыбаясь, дал ему прикурить. Мы оба понимали, о чём говорит Руди. Ксанакс начал действовать, и я чувствовала себя хорошо. Я была воодушевлена своим появлением в шоу.

"Можно сказать, это похоже на то, что происходит на шоу "Субботним вечером в прямом эфире", — сказал Рон. "Это те же самые явления. Дешёвые приёмы, которые должны выглядеть даже ещё дешевле, чем они есть на самом деле. Домашнее кино с ограблением перед камерами, реквизит подобный мультяшным камерам Monkey-Cam или Thrill-Cam на заднем дворе, или конусы из дешёвого папье маше. "Поздно ночью", "В Субботу ночью"" — это всё антишоу".

Мы очутились в глубине просторного бесшумного лифта. Казалось, он не двигался. Он казался отдельной комнатой. Руди нажал цифру 6. У меня затрещало в обоих ушах. Рон говорил медленно, как будто мне было тяжело понимать.

"Но даже если что-то является анти-шоу и становится вдруг популярным, то это уже шоу", — сказал Рон. Он заставил кошку поднять голову и почесал её под подбородком.

"Так что только представьте, какую нагрузку испытывает этот сукин сын", — пробормотал мой муж.

Рон холодно улыбнулся, не глядя на Руди.

Мой муж курит иностранные сигареты, которые сразу же дают всем сигнал: что-то горит. Сигарета шипит, лопается и струится в тот момент, когда он затягивается, пристально глядя на своего старого начальника. Рон посмотрел на меня.

"Эдилин, помнишь, как в "Субботним вечером" были великолепные пародии на рекламу сразу после открытия шоу? Такие замечательные пародии, что всегда требовалось время, чтобы понять, что это пародии, а не реальная реклама? И как антиреклама стала популярна? И что потом произошло? — спросил меня Рон. Я ничего не ответила. Рон всегда любил задавать вопросы с тем, чтобы потом самому же на них и ответить. Мы прибыли на этаж Леттермана. Я вместе с Руди вышла следом за Роном.

"А произошло то, — сказал он через плечо, — что спонсоры начали размещать в передаче "Субботним вечером" рекламные ролики, которые были почти как пародии на рекламные ролики, так что требовалось некоторое время, чтобы понять, что это были прежде всего настоящие рекламные ролики. Таким образом, спонсорам внезапно была гарантирована огромная аудитория, которая очень-очень внимательно смотрела их рекламу, надеясь, конечно, что это будут пародии". Секретари и стажеры вытянулись по стойке смирно, когда Рон проходил мимо вместе с нами; его кот зевнул и потянулся у него на руках.

"Но", — засмеялся Рон, всё ещё не глядя на моего мужа, — "Но вместо этого спонсоры развернули антирекламную шутку на шоу "Субботним вечером" и использовали её, чтобы манипулировать той самой аудиторией, которую сперва использовали для пародии, высмеивая их в первую очередь за это самое манипулирование".

Двери на сцену студии 6-А находились в конце устланного ковром зала, рядом с огромным плакатом, изображавшим Дэвида Леттермана фотографирующего того, кто фотографировал его для этого самого плаката.

"Так что на самом деле надо ли вести себя определенным образом или нет — это не тот вопрос, который может возникнуть в таких шоу", — сказал Руди, постукивая сигаретой по пеплу и не глядя на Рона.

"Были эти дни по настоящему великими или как?" — прошептал Рон на ухо коту, которого он нюхал.

Запертые двери студии заглушали звуки шумного веселья. Рон ввёл код на освещенной панели возле плаката Леттермана. Они с Руди поднялись опять вверх, чтобы взглянуть на всё из кабинета Рона, где целая стена мониторов позволяла им увидеть меня сразу с нескольких сторон.

"Тебе просто надо будет действовать, вот и всё", — сказал мой муж, убирая волосы с моего уха. Он коснулся моей щеки. "Ты талантливая и многогранная актриса". А Рон, манипулируя белой лапой кошки, изобразил знак прощания и сказал: "И она актриса, Рудольф. Если ты сумеешь ей помочь, мы поможем тебе повернуть всё в правильное русло".

"И она это оценит, сэр. Даже больше, чем ей сейчас кажется"

"Значит, я буду своего рода антигостем?" спросила я.

"Ужасно рад Вас видеть", — сказал мне Дэвид Леттерман. Я следила за тем как меня со сцены представляли зрителям. Одетый в свитер помощник студии вывел меня аккуратно за локоть и ловко скрылся как только ударил свет.

"Ужасно, нет, гротескно приятно вас видеть", — сказал Леттерман.

"Он нащупывает слабые места", — хрипло прозвучало у меня в ухе. "Полные краманы наивного самомнения. Что-то, куда можно воткнуть булавку. Что угодно."

"Да", — протянула я Дэвиду Леттерману. Я зевнула, рассеянно прикоснувшись к уху.

Вблизи он выглядел завидно молодым. Максимум тридцать пять. Он поздравил меня с продлением сериала, номинацией на "Эмми" и сказал, что мой канал хорошо справился с моей неожиданной беременностью на третьем году съёмок сериала, договорившись, что меня будут показывать только по пояс в течение тринадцати эпизодов подряд.

"Это было весело", — саркастически заметила я и сухо рассмеялась.

"Очень, очень весело", — сказал Леттерман, и публика засмеялась.

"О Господи, пусть он увидит, что ты суха и саркастична", — сказал мой муж.

В ответ на какой-то вопрос Леттермана Пол Шаффер раскинул руки, выражая изумление.

К щеке Дэвида Леттермана была прикреплена крошечная этикетка (у него были веснушки); на этикетке было написано МАКИЯЖ. Это осталось от более ранней шутки во время его длинного монолога, когда Леттерман вернулся с рекламного перерыва с этикетками описывающими в нём абсолютно всё. Над журчащим фонтаном между нами и рампой висела стрелка с грубо выведенной надписью: ТАНЦУЮЩИЕ ВОДЫ.

"Итак Эдилин, есть ли какая-то правда в слухах о сумасшедших вещах связанных с телевизионной сетью вашего мужа, и второстепенных слухах... — Он перевел взгляд со своей карточки на Пола Шаффера. "Ну и дела, Пол, здесь написано "второстепенных слухах"; можно ли продолжать говорить дальше, называя это второстепенными слухами? Что это значит, Пол: "Второстепенные слухи"?"

"Мы с нашим ансамблем полагаем, что это может означать любую из... действительно любую из сотен самых разных вещей, Дэйв", — сказал Шаффер, улыбаясь. Я улыбнулась. Люди засмеялись.

Голос Рона прошёл через всё пространство ко мне в ухо: "Скажи нет". Я представила сперва себя под разными углами, потом рану в голове Рона и передающее устройство в ране, затем моего мужа, всегда (где бы он ни находился) сидящего, скрестив ноги и вытянув руку вдоль спины.

"...второстепенных или нет, но о прекрасной, прекрасной программе вас с Тито, ах, о полном совместном уходе с коммерческого телевидения в конце следующего сезона и, возможно, о переходе на другую, неназванную, некоммерческую сеть?"

Я прочистила горло. "Абсолютно все слухи о моём муже правдивы!". Публика рассмеялась.

Леттерман сказал: "Ха-ха". Публика засмеялась еще сильнее.

"Что касается меня", — я провела рукой по коленям, разглаживая юбку, как это делают чопорные женщины, — я почти ничего не знаю о продюсерской и деловой стороне шоу, Дэвид. Я женщина, которая играет".

"А, знаете, не будет ли это потрясающе смотреться на футболках у всех женщин?" — спросил Леттерман, тербя этикетку на булавке для галстука.

"Ну не знаю, Дэйв, не уверен были ли когда-нибудь действительно безумные вещи в его сети, исходя из того, что я слышал.", — сказал Риз, администратор спортивной программы NBC, сидящий по другую сторону от меня, на другом стуле, казавшемся каким-то распотрошённым. Вокруг выпученных глаз Риза

виднелись два маленьких енотовидных колечка сажи от взрыва его хобби. Он посмотрел на Леттермана. "Борьба за власть на общественном телевидении?"

"Что-то вроде... кровавого переворота, происходящего в Лиге женщин-избирателей, не правда ли, Эдилин?"

Я засмеялась.

"Отряды спецназа с водомётами вторгаются на факультетские посиделки с профессорами".

Леттерман, Риз, Шаффер и я попадали со смеху. Публика хохотала.

"Слова из нескольких слогов, должны просто летать", — сказала я.

"Действительно... действительно грамматически правильные удары в спину происходят повсюду..."

Мы все пытались взять себя в руки, в то время как мой муж давал мне какие-то указания.

"Боюсь всё дело в том, что я просто этого не знаю", — сказала я, пока Леттерман и Шаффер всё еще смеялись и переглядывались. "На самом деле, — сказала я, — я вовсе даже не такая уж знающая, талантливая или многогранная актриса".

Дэвид Леттерман предложил зрителям, которых он снова назвал дамами и господами (что мне понравилось), представить у себя на рубашке надпись "Я — ЖЕНЩИНА, КОТОРАЯ ИГРАЕТ" .

"Вот поэтому я и снимаюсь в тех рекламных роликах, которые вы сейчас постоянно видите", — легкомысленно сказала я, зевая.

"Ну, а теперь, эй, я хотел бы спросить Вас как раз об этом, Эдилин", — сказал Леттерман. "Проблема, ах, в том, — он потер подбородок, — что мне нужно будет спросить Вас, зачем всё это рекламировать, если нет реального человека, упоминающего о том как это здОрово... здОрово, и позвольте сказать, вкусно?"

"Пожалуйста спрашивайте."

"Продукт должен быть вскусен просто благодаря лишь упоминанию его названия." Он улыбнулся. "Потому как это уже будет рекламой".

Я кивнула и улыбнулся. Мой наушник молчал. Я невинно оглядел сцену, притворяясь, что потягиваюсь, насвистывая первый такт из двенадцати нот очень известной мелодии.

Леттерман и публика засмеялись. Пол Шаффер рассмеялся. Электрический голос моего мужа одобрительно потрескивал. Я даже сумела различить на заднем плане смех Рона ; его смех звучал совершенно невозмутимо.

"Я думаю, что это, наверное, даёт нам совершенно ясную картину, да", — ухмыльнулся Леттерман. Он бросил свою учётную карточку в воображаемое окно позади нас. Раздался явно фальшивый звук бьющегося стекла.

Мужчина казался совершенно дружелюбным.

Мой муж передал сквозь наушник какую-то мысль, но я не смогла её разобрать, потому как Леттерман заложил руки за голову со шлемом волос и сказал: "Итак, тогда я догадываюсь, в чём дело, Эдилин. Я имею в виду, что мы знаем о деньгах, больших, больших деньгах там, в прайм-тайм. Нам становится всё понятно из каких-то туманных подсказок, намёков и прочего. Обо всех этих больших деньгах, о зарплатах в прайм-тайм упоминается здесь на NBC в туалетах лишь шёпотом. Это суммы, которые обсуждаются только тихим голосом. Вот, — сказал он, — Что у вас имеется на сегодня? Три качественных телесериала? Бесчисленные появления в качестве гостя в других программах...?"

"Сто восемь," — сказала я.

В какой-то момент пока публика смеялась, он раздраженно посмотрел в камеру. "... Практически бесчисленные гостевые кредиты", — сказал он. "У вас есть получившая признание критиков полицейская драма, которая идёт уже, сколько? три года? четыре года? У вас есть это... — он посмотрел на учётную карточку, — ... талантливая дочь, которая снялась в нескольких прекрасных фильмах и которая сейчас снимается в сериале, у вас есть муж, обладающий активной движущей силой и являющийся потрясающим человеком, по сути, легендой в области создания комедии..."

"Помните эпизоды "Смех Роузны и Мартина"?" - сказал администратор спортивного отдела NBC. "Перевернуть Уилсона"? "Удушающие"? Помните "Субботний вечер в прямом эфире", когда он был так хорош в течение целых нескольких лет?" Он в восхищении покачал головой.

Леттерман выпустил из рук собственную голову. "Итак, сериал, сериал дочери, номинация на Эмми, практически бесчисленные переезды мужа, встряски и предыдущие сериалы, один из лучших браков в индустрии, если вообще не в Северном, ах, в полушарии..." Он считал все эти активы на пальцах руки. Руки у него были совершенно обычные. "Вы востребованы, милая", сказал он. "Мне бы так!" Он улыбнулся и поиграл со своей кофейной кружкой. Я улыбнулась в ответ.

"И тут, Эдилин, вся нация, задается вопросом, зачем надо идти и сниматься в этой... рекламе сосисок", - спросил он почти скуля с преувеличенным переходом в вой.

Раздался тихий голос Руди: "Видишь, как он ловко утрировал свой вой в ту минуту, когда появилась возможность. Видишь как...?"

"Потому что я не какая-то там великая актриса, Дэвид", — сказала я.

Леттерман выглядел изумлённым. На мгновение под скользящими к нам белыми лампами я взглянула на него, и обнаружила, что он смотрит на меня совершенно изумлённо. Я поняла, что имею дело с достаточно искренним человеком.

"Те вещи, которые вы перечислили, — сказала я, — являются всего лишь активами, и не больше того". Я посмотрела на него. "Они мои активы, Дэвид, они не я. Я - актриса коммерческого телевидения. Почему бы мне не сняться в телевизионной рекламе?"

"Будь честна", — прошипел Руди тонким металлическим голосом, словно прозвучавшим из некачественного телефона. Леттерман притворился, что пьет кофе из пустой кружки.

"Будем честны", — сказала я. Публика молчала. "У меня только что был весьма удручающий день рождения, и я развеяла абсолютно все иллюзии. Дэвид, вы сейчас смотрите на женщину лишённую всяких иллюзий".

Казалось, Леттерман от этих слов оживился. Он прочистил горло. Мой наушник прошипел указание никогда не использовать слово "иллюзии".

"Это своего рода забавное совпадение", — спекулятивно подхватил Леттерман. "Я иллюзия, в которой нет женщины; скажите, Вы... обнаруживаете какую-то параллель, Пол?"

Я посмеялась вместе с публикой, когда Пол Шаффер изобразил с эстрады жест удивления.

"Катастрофа", — передал муж из офиса человека, чьи подчиненные ловили рыбу без крючков и сидели в эпицентра взрыва. Я погладила волосы над ухом.

Я сказала: "Мне сорок, Дэвид. Буквально на прошлой неделе мне исполнилось сорок. Сейчас я нахожусь в той точке, когда, как мне кажется, мне нужно уже знать, кто я". Я посмотрела на него. "У меня четверо детей. Много ли вы знаете работающих актрис коммерческого телевидения с четырьмя детьми?"

"Есть актрисы, у которых четверо детей", — сказал Леттерман. "Разве недавно у нас не была прекрасная и талантливая молодая женщина с четырьмя детьми, Пол?"

"Назовите десять актрис с четырьмя детьми", — бросил вызов Шаффер.

Леттерман притворно недоверчиво посмотрел на него. "Десять?"

"Мерedit Бакстер Бирни?" - сказал Риз.

"Мерedit Бакстер Бирни", — кивнул Леттерман. — А у Лоретты Свит четверо детей, не так ли, Пол?

"Мэрион Росс?"

"Я думаю, что у Мерedit Бакстер Бирни на самом деле даже пятеро детей, Дэв", - сказал Пол Шаффер, склонившись над микрофоном, стоящим перед небольшим органом. На его большой лысине виднелась наклейка с надписью "ЛЫСОЕ ПЯТНО".

"Я полагаю, что дело тут в том, господа, — перебила я их, улыбаясь, — что у меня есть дети, которые уже стали более крупными звездами, чем я сама. За всю свою карьеру я снялась всего в двух художественных фильмах. Теперь, когда мне сорок, я понимаю, что с двумя фильмами и тремя довольно длинными сериалами я навряд ли оставлю на этой планете серьёзный след, в качестве актрисы художественных фильмов. Дэвид, я телевизионная актриса".

"Вы женщина, которая снимается на телевидении", — поправил Леттерман, улыбаясь.

"А теперь ещё и женщина из телевизионной рекламы". Я пожал плечами, как будто просто не могу понять, в чем тут проблема.

Пол Шаффер, все еще склоняясь над органом, сыграл для меня короткую, но очень милую мелодию, поздравляющую с днем рождения.

Леттерман сунул в зубы еще одну карту. "Итак, я полагаю, ваше объяснение состоит в том, что сосисочная реклама на ваш взгляд неспособна повредить вашей карьере".

"О нет, Боже, вовсе нет", — засмеялась я. "Я вовсе не это имела в виду. Я имею в виду, что это просто часть моей карьеры, правда? Разве не об этом мы только что говорили?"

Леттерман потёр подбородок. Он посмотрел на спортивного администратора. "Получается, такие страхи, как... скажем, может быть, что-то вроде угрозы вашей целостности, какой-то... ах, художественный фактор: вы говорите, что это не то, что способно повлиять на ваше решение".

Рон попросил Руди дать ему на минутку пульт дистанционного управления.

"Но были и художественные факторы", — сказала я. "Дэвид, вы когда-нибудь пытались вызвать эмоции с помощью мяса?" Я огляделась вокруг. "Кто либо из вас? Размазать горчицу именно так, как вы задумали?"

Леттерман явно испытывал неловкость. Зрители время от времени издавали нечленораздельные звуки: они не могли понять, когда смеяться. Рон теперь говорил мне очень спокойным тоном.

"Чтобы все еще выглядеть голодной на пятнадцатом куске? — сказал я, когда Леттерман улыбнулся и отхлебнул из своей кружки. Я пожала плечами. "В этих рекламных роликах повсюду искусство, Дэвид".

Я едва расслышала тихий голос Рона, предупреждающий меня, чтобы я осознавала опасность ухода в оборону. Леттерман вдруг оказался застенчивым, в чём-то колеблющимся человеком. Он посмотрел куда-то влево от сцены, затем на свою карточку, затем на меня. "Ну Эдилин, я думаю, только у циника, подобного вон Полу", — Шаффер засмеялся, — "может возникнуть искушение спросить вас... Я имею в виду, — сказал он, — со всеми этими активами, которые мы только что вместе перечислили, с тем, что вас цитируют без кавычек, ах, с востребованностью... и теперь по поводу этого может любопытствовать лишь кто-то вроде Пола, и это уж точно не наше дело, - ему как-будто жал воротник рубашки; "Тогда вопрос, при всём уважении, заключается в том, каким образом определённая сумма денег, пусть даже огромная, может заставить талантливую, если не великую, то уж точно согласимся, что известную и, прежде всего, востребованную актрису... вызывать у людей эмоции с помощью мяса".

То ли Рон, то ли Руди прошептал "О Боже!".

"Чтобы проголодаться по уже сотому куску, который она намазывает всей этой... горчицей", — сказал Леттерман, наклонив голову, глядя на меня, как я отчётливо помню, правым глазом. "И мы, конечно же, поймём, если вы не захотите вдаваться в подробности, я имею в виду... я прав, Пол?"

Он явно испытывал неловкость. Так будто его вдруг подставили в самую последнюю минуту. Я смотрела на него, как на абсолютно сумасшедшего. Теперь, когда он получил ответ на свой глупый вопрос, у меня возникло такое ощущение, будто мы с ним говорили о разном с самого начала моего появления. Я откровенно зевнула.

— Просто будь честна, — говорил Рон.

— Давай, расскажи ему о задолженности по налогам, — прошептал Руди.

— Послушайте, — сказала я, улыбаясь, — я думаю, что один из нас здесь не совсем ясно выразился. Так могу я сейчас просто быть честной?"

Леттерман смотрел влево от сцены, словно к кому-то обращаясь. Я была уверена, что он понял, что зашел слишком далеко, и его чувство неловкости заставило затихнуть публику, подобно смерти.

Я улыбалась до тех пор, пока моё молчание не привлекло его внимание. Я заговорщически склонилась к нему. После некоторой паузы он наклонился ко мне через стол. Я медленно огляделась по сторонам. Сценическим шепотом я произнесла: "Я снималась в рекламе сосисок совершенно бесплатно".

Я подняла, а затем опустила брови.

У Леттермана отвисла челюсть.

"Без какого-либо вознаграждения, — сказала я, — кроме искусства, удовольствия, нескольких ящиков хот-догов и ощущения хорошо отлаженного исполнения". "О, да ладно, серьёзно?", — сказал Леттерман, откидываясь назад и хватаясь за голову. Он сделал вид, что обращается к аудитории студии: "Дамы и господа..."

"Я уверена, что это чувство нам всем здесь хорошо знакомо". Я улыбнулась, закрыв при этом глаза. "На самом деле это я им позвонила. Я вызвалась стать добровольцем. Почти умоляла. Вы бы это видели! Вы должны были быть там. Совершенно мерзкое зрелище!"

"Ну что за ребёнок!", — вмешался Пол Шаффер, делая вид, что утирает глаза под очками. Леттерман швырнул в него учётную карточку, и звукорежиссер в красном свитере ударил молоточком по стакану. Я слышала, как Рон сказал Руди, что это было настоящим вдохновением. Теперь казалось, что Леттерман внезапно обрёл радость жизни. Он улыбнулся; он сказал ха-ха; его глаза вдруг сразу оживились; он выглядел словно огромная игрушка. Казалось, все были в восторге. Я прикоснулась к уху и услышала, как мой муж благодарит Рона.

Ещё одну или две минуты мы поговорили и посмеялись над тем, что искусство и понимание себя куда важнее полученного дохода. Интервью закончилось своего рода всплеском доброй воли. Дэвид Леттерман сделал конфетти из нескольких этикеток на своем теле. Честно говоря, мне стало даже жаль, что все уже закончилось. Леттерман тепло улыбнулся мне, когда мы вышли на рекламу.

И в этот момент я сердцем ощутила уверенность в том, что все тревоги и разговоры, и страх Руди оказались совершенно напрасны. Потому что, когда мы перешли к рекламе, Дэвид Леттерман всё ещё оставался прежним. Режиссёр в джемпере перерезал себе горло пальцем, искусно сфотографированный бампер заполнил все мониторы 6-А, группа под руководством Шаффера разошлась, и свет камер погас. Плечи Леттермана поникли; он устало склонился над своим явно дешёвым столом и вытер лоб потрепанной салфеткой, вытащенной из кармана яхтсменской куртки. Он улыбнулся словно из глубины себя и сказал, что было действительно гротескно приятно видеть меня, что зрители сегодня вечером определенно получили максимальную отдачу от своих денег, заплаченных за развлечение, что он надеется, что моя дочь Линнетт будет хотя бы в половину лучше меня на сцене, и что если бы он знал, каким очаровательным гостем я окажусь, он бы сам уже давно приложил все усилия, чтобы меня пригласить.

"Он действительно так сказал", — говорила я позже мужу в машине студии NBC. "Он сказал: "гротескно мило", "отдача от денег", и что я была интересным гостем. Но никто всего этого не слышал".

Рон поймал машину и поехал за Чармиан с тем, чтобы потом встретить нас в кафе "Ривер", в которое мы много раз уже хотели пойти четвером, в дни наших с Руди появлений в городе. Я посмотрела сквозь панель на сидящего впереди водителя; он был без шляпы, волосы коротко подстрижены, голова держалась неподвижно, как на фотографии."

Мой муж, сидевший со мной на заднем сиденье, держал мою руку в своей. Его галстук и носовой платок были клетчатые и яркими. Я почти физически ощущала его облегчение. Когда я увидела его после передачи, было заметно, что у него как гора свалилась с плеч: он испытывал просто огромное облегчение. Леттерман объяснил аудитории, что мне уже пора идти, и меня проводили в тот момент, когда он представлял публике самопровозглашенного короля продаж кухонных электронных устройств для дома, который носил значок с изображением лося.

"Конечно, он действительно это сказал", — сказал мой муж. "Это просто то, что он сказал."

"Именно", — подтвердила я, глядя на то как он держит в руках мою руку.

Нас повезли на юг.

"Но это совершенно не означает, что он на самом деле такой", — сказал он, глядя мне прямо в лицо. Затем он тоже посмотрел на наши руки. Наши три кольца находились рядом друг с другом. Я почувствовала к нему прилив любви и придвинулась поближе на мягком кожаном сиденье, моё лицо горело и побаливало. Моё опустевшее ухо слегка устало от наушника.

"Больше того, я никогда не видел, чтобы кому либо удавалось справиться с ним настолько успешно как мы", - сказал он. Он посмотрел на меня с восхищением. "Ты талантливая и многогранная актриса", - сказал он. "Ты взяла верное направление. Ты сохранила рассудок, достойно представила нас обоих и выстояла на антишоу". Он улыбнулся. "Ты славно поработала".

Я отодвинулась от мужа ровно настолько, чтобы рассмотреть его очень чистое лицо. "Я не играла с Дэвидом Леттерманом", — сказала я ему. И я была искренна. "Мне в большей мере приходилось справляться ... с тобой и Роном". Руди всё ещё продолжал улыбаться. "Я бы вообще вытащила наушник Рона, несмотря на договор, если бы Чармиан не заставила меня распустить волосы. Это бы задело мужские чувства. И в ту самую минуту как я села напротив него за этот дурацкий стол, я уже поняла, что мне

не понадобятся никакие указания. Он не был гадким, — сказала я. "Он был весёлым, Руди. Мне было весело."

Он, улыбаясь, закурил длинную сигарету "Голуаз". "Так всё было просто ради развлечения? — насмешливо спросил он. Он сделал вид, что толкает меня под ребра. По обе стороны от нас проходил район с высокой арендной платой, который я ещё помнила как район с низкой арендной платой.

И я скажу, что почувствовала какую-то грусть на сердце, в которое меня муж чуть толкнул. Я почувствовала насколько же это действительно грустно, когда мой собственный супруг не может понять, что я говорю серьезно. И я ему об этом сказала.

"Я была такой, какая я есть", — настаивала я.

И я увидела в выражение лица Руди то, что, должно быть, выражало моё собственное лицо, когда я понятия не имела, о чём говорили он, Рон или даже Дэвид. И я ощутила теперь то же странное на грани паники состояние, которое он должно быть ощущал всю эту неделю. Мы оба слышали как сквозь решётку внутренней связи с водителем лимузина проникало что-то сладкое в стиле барокко.

"Это как мой день рождения", — сказала я, держа руку второго мужа в своей. "Мы договорились в мой день рождения. Мне сорок, у меня есть и взрослые, и маленькие дети, и дорогой мне муж, и я телевизионная актриса, согласившаяся представлять бренд сосисок. Мы выпили за это вина, Руди. Мы придерживались только фактов и всё рассматривали вместе. Буквально на прошлой неделе мы договорились о том, кто я есть. Как ещё я могу сейчас жить?"

Мой муж высвободил руку и пощупал решётку панели. Голова испанского водителя без шляпы склонилась набок. Я заметила, что часть его шеи была совершенно бесцветна. Более светлая область имела округлую форму; она закрутилась в его темных волосах и где-то уже там от меня пряталась.

"Он наклонялся ко мне очень близко, Руди. Я могла видеть каждую мелкую деталь его лица. Он был веснушчатый. Под ярким светом ламп я могла видеть маленькие капельки пота. Крошечная родинка рядом с этикеткой. Его глаза были того же цвета Джинс, что и глаза Джейми и Линнетт этим летом. Я смотрела на него. Я видела его."

"Но мы же тебе говорили, Эдилин", — сказал мой муж, залезая в карман куртки. "Что привело его туда, здесь и сейчас, для того, чтобы ты его могла видеть, так это то, что его невозможно по-настоящему увидеть. Вот в чём сейчас все дело. Что все люди на самом деле не такие, какими их следует видеть"

Я посмотрела на него. "Ты действительно думаешь, что это правда?"

Его сигарета слегка пощёлкивала. "Не важно, что я думаю. Это то, о чём шоу. Они делают это правдой, смотря его передачи."

"Это то, чему ты веришь", — сказала я.

"Я верю тому, что вижу", — сказал он, откладывая сигарету, чтобы открутить крышку бутылки. Этикетка на ней гласила: "БЕРИТЕ ПО НЕСКОЛЬКО ШТУК И ЧАЩЕ". "Если бы это было неправдой, разве мог бы он воспользоваться этим так, как он обычно делает?"

"Мне это кажется очень наивным".

"...Обычным для нас путём?" сказал он.

Всё ж -таки бывают по-настоящему горькие таблетки. Когда я допила напиток из бара, встроенного на заднем сиденье, я все еще чувствовала вкус ксанакса на кончике языка. Резкий всплеск адреналина меня очень утомил. Мы проехали высокие здания возле воды. Я смотрела, как мы проезжаем Манхэттенский мост. В поле зрения появилось позднее солнце. Оно висело справа от нас, совсем красное. Проезжая мимо, мы оба взглянули на воду. Гладкий лист её поверхности был цвета раны под мартовским закатом.

Я глотнула. "Значит, ты веришь в то, что в действительности все не те, какими мы их видим?"

Я не получила ответа. Взгляд Руди устремился в окно.

"Я только сегодня заметила, что у Рона на самом деле нет рта. Это скорее напоминает прорезь в голове". Я сделала паузу. "Тебе не следует подчиняться ему в делах личной жизни только из-за ваших общих интересов в бизнесе, Руди". Я улыбнулась "Мы востребованы на рынке, милый".

Мой муж рассмеялся, не улыбаясь. Он посмотрел на кусок разукрашенной солнцем воды, когда мы приблизились к угловатой тени громады Бруклинского моста.

"Потому что, если все в действительности не такие, какими мы их видим, — сказал я, — это будет включать и меня. И тебя."

Руди вслух восхищался закатом. Он сказал, что тот выглядит взрывоопасным: солнце всей своей круглостью лишь самую малость висело над водой. Отражённое и удвоенное в этом клочке реки. Но он смотрел только на воду. Я наблюдала за мужем.

"О боже!", — сказал Дэвид Леттерман, когда важное, но с енотовидными кольцами лицо администратора Риза, превратилось в идеальное кольцо разорвавшейся взрывчатки.

Спустя несколько месяцев, после того, как я через всё это прошла, находясь в самом эпицентре взрыва, в его единственном безопасном месте, я снова поражалась тому, насколько же верно и по-настоящему правильно говорить, находясь именно там, в этом самом месте."

И я об этом помнила, и тяжело работала, чтобы показать, что я, по крайней мере, женщина, которая высказывает своё мнение. Такой я должна себя видеть, чтобы жить полной жизнью.

И потому я спросила мужа, когда нас бесплатно везли в лимузине, чтобы присоединиться к Рону, Чармиан и, может быть даже, Линдси, дабы выпить и поужинать за счёт компании NBC в одном месте, расположенном через реку, кем же, по его мнению, мы с ним на самом деле были, что он об этом думает.

И совершенно напрасно это сделала.

